

УДК 811.512.145

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

А.Р. Рахимова

Тюркские языки, в том числе и татарский язык, прошли длительный и сложный путь развития, о чем свидетельствует их богатый словарный состав, грамматический строй, система диалектов и говоров. Исследование словарного состава языка в лексико-тематическом аспекте методом сравнительно-исторического анализа дает возможность определить историко-генетические пласты лексики. Данное сообщение содержит суждения автора об основных направлениях исследования лексических пластов татарского языка. Приводимые примеры сравнительного анализа слов носят иллюстративный характер.

Тюркские языки ставят перед исследователями актуальные проблемы, без решения которых невозможно дальнейшее развитие тюркологии. В настоящее время для углубленного изучения источников формирования и историко-генетических пластов лексики тюркских языков на первый план выдвигается задача исследования глубинных процессов исторической и сравнительно-исторической лексикологии.

Ровно двадцать лет назад в одной из своих статей, посвященных задачам тюркского языкознания, Н.А. Баскаков писал: «Пока ещё нет фундаментальных исследований по исторической и сравнительно-исторической лексикологии конкретных языков. Назрела необходимость разработки словарей на новых теоретических основах, обеспечивающих изучение процессов развития лексики и семантики. Не начаты лексико-семантические исследования, не изучена лексика в историко-типологическом и сравнительно-историческом плане» [1, с. 49].

За эти годы лексикологическая деятельность в области тюркских языков заметно расширилась. Завершена работа над двуязычными словарями, в которых дается наиболее употребительная лексика по конкретным тюркским языкам. Закончен первый этап исследования диалектов и говоров тюркских языков. Почти по всем тюркским языкам успешно ведется сбор и систематизация лексического богатства, включая диалектный материал и лексику языковых памятников. Появляются полные толковые, диалектологические, этимологические словари отдельных тюркских языков. Наряду с этим начали появляться труды, посвященные общим вопросам тюркской лексикологии. Продолжают выходить новые тома «Этимологического словаря тюркских языков», работа над которым была начата Э.В. Севортяном. В 1997 году вышла из печати «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» (под ред.

Э.Р. Тенишева), которая является первым опытом реконструкции праязыка на лексическом уровне.

Перед современной тюркской лексикологией стоят важнейшие задачи, одна из которых заключается в исследовании тюркской лексики в сравнительно-историческом аспекте. Эта задача диктует необходимость проведения сравнительно-исторического анализа лексики сначала по отдельным тюркским языкам. Основой системного изучения лексики как одного из важнейших уровней языка является комплексный подход к исследованию, т. е. анализ литературной лексики наряду с диалектальными и разговорными вариантами. На современном этапе своего развития татарская лексикография представляет собой достаточно систематизированное лексическое богатство языка в виде толковых, диалектологических и этимологических словарей*.

Однако известно, что лексические системы, взятые целиком во всем их объеме, в отличие от фонологических и грамматических систем, сравнительно-историческому изучению не поддаются. В связи с этим необходимо систематизировать лексику тюркских языков, объединяя слова в отдельные группы по их общей тематике, т. е. создать лексические микросистемы, ибо для исторического исследования лексики целесообразнее оперировать не отдельными языковыми единицами, а микросистемами единиц, служащих для выражения различных явлений действительности.

Для решения вопроса источников формирования и генетических пластов лексики конкретного тюркского языка необходимым является сравнительное изучение лексики по следующим тематическим разделам:

I. «Природа»; II. «Человек»; III. «Общество»; IV. «Познание». В этих широких тематических разделах могут быть выделены следующие лексико-тематические группы:

I. Природа. 1. Неживая природа: 1) Земля и солнечная система; строение земной поверхности; 2) Вода: виды водных объектов; 3) Климат земли: воздух; дождь и снег; облака и туман; ветер, ураганы и наводнения; 4) Свет и энергия: солнечный свет и тепло; огонь. 2. Живая природа: 1) Растения; анатомия растений; 2) Животные; анатомия животных, птиц, рыб.

II. Человек. 1. Строение тела человека. 2. Жизнь человека: 1) Рождение ребенка; 2) Рост и развитие человека; 3) Болезни; лечение; тренировка тела; 4) Старение и смерть. 3. Наружный облик человека: 1) Телосложение, фигура, внешность человека; 2) Осанка, походка человека. 4. Внутренний мир человека: 1) Характер, особенности и склонности человека; 2) Психические и эмоциональные свойства человека; 3) Нравственность и поведение человека.

III. Общество. 1. Человек как общественное существо: 1) Семья и родственные отношения; 2) Коллектив. 2. Потребности человека в обществе. Материальная культура человека: 1) Питание; 2) Жилище; 3) Одежда и украшения. 3. Государство: 1) Управление государством; 2) Социальная структура; 3) По-

* Татар теленең аңлатмалы сүзлеге – Өч томда. – Казан, 1977, 1979, 1981; Татар теленең диалектологик сүзлеге. – 1-2 китаплар. – Казан, 1969, 1993. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992; Ахмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан, 2001; Ахмәтжанов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. 4 томда. Т. 1. (А-Й). – Бирск, 2005; Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка. Т. 1, ч. 1 / Сост. А.Г. Шайхулов, Л.У. Бикмаева, З.Р. Садыкова и др.

литическая структура; 4) Экономическая структура; 5) Народно-хозяйственная, производственная структура; 6) Вооруженные силы государства. 4. Жизнь человека в обществе: 1) Духовная культура; 2) Физическая культура и спорт; 3) Наука и техника.

IV. Познание. 1. Субъективные и объективные познавательные процессы: 1) Ощущение и восприятие; 2) Память и внимание; 3) Мышление и речь. 2. Пространство: 1) Нахождение и положение в пространстве; 2) Направление и движение в пространстве. 3. Время: 1) Отрезок времени; 2) Временные признаки: календарное время и дата. 4. Величина: 1) Единицы измерения; 2) Мера; 3) Количество.*

В татарском языкознании написано значительное число диссертаций, опубликован ряд монографий, охватывающих лексику материальной и духовной культуры, термины родства, названия растений, птиц; земледельческую лексику, юридическую терминологию и др. При сравнении тематик публикаций по татарской лексикологии с приведенной выше классификацией можно увидеть, что многие лексико-тематические группы до последнего времени остаются неизученными.

На эту актуальную проблему обратили внимание сотрудники ИЯЛИ и в конце 90-х годов XX в. приступили к сбору и систематизации лексического материала для составления академической «Татарской лексикологии» [2, с. 7]. Было начато изучение таких лексико-тематических групп, как: термины обычаев и обрядовая терминология; рельеф, водоемы, части тела; небесные тела и природные явления; термины ювелирного дела, хозяйственные предметы и орудия труда, архитектура; термины избирательной системы, педагогическая терминология и др. Основная часть этих публикаций представляет собой описание тематической лексики. Развитие сравнительно-исторической тюркологии во второй половине XX в. ставит задачу еще большего расширения и углубления исследований по лексике отдельных тюркских языков, в том числе и татарского языка.

В своих научных исследованиях, посвященных лексике, исследователи приходят к выводу о том, что лексика изучаемого им тюркского языка неоднородна в своем составе и необходимо разграничить её прежде всего на тюркский и заимствованный пласты. В большинстве этих исследований, главным объектом изучения лексики по праву, является **тюркский** пласт, тем не менее, **заимствованный** пласт интересует исследователей ничуть не меньше. Ибо пласт заимствованных слов (их семантическая, тематическая, количественная и др. стороны) свидетельствует об интенсивности и характере исторических контактов конкретного тюркского народа с нетюркскими народами.

В лексическом составе каждого языка определенный процент слов составляют заимствования. Заимствование слов – неизбежное следствие непосредственного (устного) и опосредствованного (письменного, литературного) обще-

* О классификации лексики по тематическим группам подробнее см.: Лексическая основа русского языка. – М., 1984; Лексические минимумы современного русского языка. – М., 1985; Шайхулов А.Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики). – Уфа, 1988; Закиев М.З. Татарская академическая лексикология // Актуальные вопросы татарского языкознания. – Казань, 2003.

ния представителей различных народов. Заимствованные слова очень часто подвергаются значительным фонетическим, семантическим изменениям. Следовательно, определение языка-источника становится сложным процессом. В связи с фонетикой заимствованных слов следует заметить, что звуки одного языка не всегда соответствуют звукам другого и в таких случаях недостающие звуки в заимствующем языке чаще всего заменяются существующими в нём похожими звуками. Например, в таких русских заимствованиях татарского языка как *мунча* «баня» < рус. диал. *мойница*, *матча* «балка, перекладина» < рус. *матица*, звук [ц] передан через [ч].

Наблюдаются сдвиги значений заимствованных слов, закрепление за ними вторичных значений в качестве основных. Лексема *шешй* (< перс. [шише]), например, заимствована в татарский язык в значении «бутылка, флакон», тогда как в персидском языке её главным значением является «стекло». Для обозначения стекла в татарском языке употребляется другое персидское слово – *пяла* (< перс. [пийале]), основное значение которого в языке-источнике «чаша, бокал».

Нередко у заимствованных слов появляются новые значения, отсутствующие в языке-источнике. Например, у слова *гарип* (< ар.) в татарском языке появилось новое значение – «человек с физическим недостатком», отсутствующее в арабском и персидском языках. Появление новых значений слов в заимствующем языке нередко связано с тем, что эти слова сначала чаще употребляются в определенных словосочетаниях. Позднее под влиянием «контекстного» значения, развившегося в этих словосочетаниях (или предложениях), первоначальное значение этих слов расширяется. Например, слово *начар* в татарском языке существует в значении «плохой», тогда как в персидском языке его значение – «безвыходный». Следует отметить, что в живой разговорной речи очень употребительно значение «безвыходный» в таких предложениях, как: *Бабайны хйле начар* «Состояние деда плохое» (в значении: Настал предсмертный час). Позднее, видимо, появились значения «плохой, скверный; неважный». Точно так же слово *пыхтй* (< перс. [похтэ]) в татарском языке очень часто употребляется в словосочетании *пыхтй язү* «хороший, чистый, аккуратный почерк», которое, возможно, является полукалькой с персидского языка, где *хат похтэ* «хороший, установившийся почерк». Последующее семантическое развитие заимствованного слова *пыхтй*, видимо, определилось данным «контекстом», в результате чего в татарском языке данное заимствование приобрело значения «опрятный, аккуратный», отсутствующие в языке-источнике. Ср.: перс. *похтэ* «созревший, спелый; зрелый, опытный».

Заимствованный пласт любого языка очень сложен, многослоен по времени и месту образования. В нем могут быть выделены: самый древний (слова из китайского, монгольского, иранских языков), более ранний (арабско-персидские, финно-угорские, славянские заимствования) и, наконец, сравнительно новый (заимствования из русского, западных иностранных языков) слои. Следует отметить, что сравнение татарского языка с финно-угорскими языками может дать важные результаты не только в области заимствований. Любопытно, что в них сохранились древнетюркские корни, которые в татарском языке уже не употребляются. Например, в среднем диалекте татарского языка употребляется

лексема тапырык/тапрык «спешность; наспех; за короткое время». В марийском языке встречается слово *тапыр* «промежуток времени», которое, вероятно, является основой слова *тапырык*. Срав. также: хак. *табрах* «спешность; срочно, спешно»; др. тюрк. *tavraq* «быстро, срочно», *tavran* «спешить, торопиться» (ДТС, 543).

По классификации тюркских языков татарский язык входит в группу кыпчакских языков. Однако признано, что в формировании татарского языка (особенно его литературного варианта) немаловажную роль сыграли огузские и чагатайские наречия.

Генетические пласты тюркской лексики образовались путем слияния нескольких исторических слоёв. Результаты сравнительного анализа тематической лексики татарского языка показывают, что огузский пласт татарского языка также имеет более ранние и более поздние слои. Более ранний огузский слой охватывает лексику не только современных огузских языков, в эту общность входят также некоторые тюркские языки Сибири и Саяно-Алтайского нагорья, такие как хакасский, тувинский, шорский и др.

Согласно формулировке А. Рона-Таша, «...если слово встречается в языках А и Б ..., но в языке А для него нет этимологии, тогда как его основа (и словопроизводный аффикс) могут быть найдены в языке Б, то это, скорее всего, заимствование в языке А из языка Б» [3, с. 32]. Так, некоторые огузские элементы татарского языка выявляются путем определения мотивирующей основы, отсутствующей в кыпчакских языках, в том числе и татарском языке. Например, мы предполагаем, что слово *ястык* «подушка» (др. тюрк. *jastuq* «подушка») (ДТС, с. 245)) является огузским, хотя встречается и в кыпчакских языках: тат. *ястык*, карач.балк. *джастыкъ* и т. д. Мотивирующей основой данной лексемы является глагол тур. *yaslamak/yastamak* «поддерживать, служить опорой, подпирать», *yaslanmak* «опираться, прислоняться; наваливаться», азерб. *jaslanmaq* «приземлиться». Срав.: тур. *yastanğaç* «опора; подушка; валик», туркм. *ясык* «подушка», *яссанмак* «облокачиваться, опираться (обычно на подушку)». Глагол *ясла(н)/яста(н)*- в современных кыпчакских языках отсутствует. В томе IV «Образцов народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова встречается слово *йастану/йастау* «положить под голову (вместо подушки)» [4, с. 166], которое, вероятно, является огузским элементом в диалектах сибирских татар.

Сравнительно поздний огузский пласт лексики татарского языка характеризуется, на наш взгляд, элементами, отражающими влияние османско-турецкого, крымско-татарского языков на старо-татарский язык в XVII – XIX вв. Например, такие слова, как *уйдырма* «выдумка, вымысел; ложь» < тур. *uydurma* «выдумка; вымышленный», *uydurmak* «выдумывать; прилаживать, подгонять, приспособливать», где *-dur* является залоговым аффиксом; *уутак* «соответствовать, гармонировать, подходить; приспособливаться»; *чьер□: йльз чьер□* «отворачиваться» < тур. *yüz çevirmek* «отвернуться, отказаться», *çevirmek* «поворачивать; вращать» и др., отражают более позднее влияние османско-турецкого языка на татарский язык.

Как было указано выше, на татарский язык повлиял также чагатайский язык. В XV – XIX вв. влияние шло различными путями, через «...распростра-

нение литературных произведений, созданных в Средней Азии, обучение татарской молодежи в медресе городов Средней Азии, важную роль играли и такие внешнеполитические факторы, как активизация дипломатических, торговых отношений со Средней Азией и посредническая роль татар в этих событиях» [5, с. 36]. Например, мы предполагаем, что глагол *имэну* «сильно испугаться», не имеющий в современном языке широкого употребления и функционирующий в основном в составе аналитического глагола *имэнеп кит-* «вздрогнуть от сильного испуга», является чагатайским элементом. Согласно Э. Фазылову, данное слово в староузбекском языке встречалось в форме эймэн- «бояться, опасаться, стыдиться» [6, с. 141]. Чагатайское (или староузбекское) слово аджигъланмакъ «сердиться, вспылить» < аджигъ «гнев, злоба, ненависть; горесть» [7, с. 9] сохранилось в татарском языке: сред. диал. *ачигъланып кычкыру* «кричать с ненавистью, с гневом; с горестью» и т. д.

Основной генетический пласт лексики татарского языка – кыпчакский – должен наиболее подробно изучаться именно с точки зрения лексических наслоений. После общекыпчакской основы в нем самым богатым слоем является лексика, общая для татарского языка и «молодых» (послемонгольских) кыпчакских языков, таких как казахский, ногайский, каракалпакский. Например, слова яман/жаман/жаман «плохой, скверный, злой», ягымлы/жагымды «приятный, ласковый», оялчан/уялчакъ «стыдливый, застенчивый» и мн. др. являются общими для этих языков.

Сравнительно поздним лексическим слоем татарского словарного богатства может считаться лексика, общая для тюркских языков Волго-Уральского региона, а именно для татарского, башкирского и чувашского языков. Например: тат. *мәзәк*, башк. *мәрәкә*, чув. *мерекке* «забава, потеха; шутка».

Требуют отдельного внимания исследователя и тюркско-монгольские лексические взаимосвязи. Многовековое общение носителей тюркских и монгольских языков привело к образованию значительного количества общих слов. Для определения характера и объема лексических взаимосвязей тюркских и монгольских языков также необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, выделить заимствования, проанализировать лексические параллели.

Объем лексических связей между татарским и монгольским языками весьма значителен. Данный пласт, наиболее сложный для анализа, также неоднороден в своем составе. С одной стороны, в нем может выделиться лексика, являющаяся подтверждением древних контактов тюркских и монгольских племен: тюрк. *кара*, монг. хар «черный», тюрк. *будай/бодай*, монг. буудай «пшеница», тюрк., монг. *бал* «мёд» и др.; с другой стороны, элементы, несущие в себе отпечаток сравнительно поздних контактов татар с монголами, калмыками: тат. *мактау*, казах. мактау «хвалить, хвала», монг. *махтаал* «хвала». В туркменском языке наряду с огузским вариантом *львги* имеется и магтанч «хвала», львмек, магтамак «хвалить», тогда как в турецком и азербайджанском языках слово *магтамак* отсутствует.

Сравнение лексики татарского языка с турецким языком показывает, что многие татарско-монгольские лексические параллели отсутствуют в турецком языке. Например, тат. *бъркет*, монг. бургэд, тур. kartal «орёл»; тат. *т□гәрәк*, монг. дугариг «круглый, круг, окружность», монг. yuvarlak «круглый», halka

«круг»; тат. б□ *tükä*, монг. бэтэг, тур. kursak «птичий зоб»; тат. *буаз*, монг. боос, тур. gebe «стельная (корова)»; тат. *ыржаю*, монг. арзайх, тур. dişlerini göstermek «оскалиться»; тат. *тльн* «основной», монг. тльв «центральный», тур. temel «основной», merkezi «центральный» и мн. др. Сравнение с турецким языком, на наш взгляд, даст возможность установить временные рамки появления этих параллелей. Мы считаем, что татарско-монгольские лексические параллели, охватывающие и некоторые другие тюркские языки, но отсутствующие в турецком языке, могли появиться в XIII веке, во время существования государства Золотой Орды.

В лексике татарского языка выявляется значительное количество «собственно татарских» слов, характерных только для татарского языка и его диалектов. Часть из них образована на базе лексических и словообразовательных возможностей самого татарского языка. Другая же часть не имеет ясной семантической структуры и поэтому часто не поддается этимологизации.

Таким образом, для определения историко-генетических пластов лексики отдельного тюркского языка необходимо, прежде всего, провести сравнительно-исторический анализ тематической лексики. Анализ лексики по тематическим группам проводится с целью систематизации как изучаемого объекта, так и получаемых результатов исследования. Полные и достоверные результаты исследований по отдельным тюркским языкам в дальнейшем дадут дополнительный материал для более точного определения места данного языка в семье тюркских языков, характера его взаимоотношений с другими тюркскими и нетюркскими языками.

Summary

A.R. Rahimova. Comparative Turkic lexicology and Tatar language.

Turkic languages, including Tatar language, have followed long and complex path of development, as proof we give an example of their rich vocabulary, grammar structure, system of dialects and patois. The research of the vocabulary from a lexical-thematic perspective by using the method of historical analysis gives an opportunity to define historical-genetic layers of this vocabulary. This report contains the author's opinion on the line of the investigation of Tatar language. The given examples of contrastive analysis of the words are of demonstrative character.

Литература

1. *Баскаков Н.А.* О некоторых общих задачах тюркского языкознания // Советская тюркология. – 1986. – № 4. – С. 39–52.
2. *Закиев М.З.* Татарская академическая лексикология // Актуальные вопросы татарского языкознания. – Казань: «Фикер», 2003. – С. 6–12.
3. *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 46–56.
4. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. – СПб., 1872. – Т. IV.
5. *Хисамова Ф.М.* Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начала XIX вв.). – Казань, 1999. – 408 с.
6. *Фазылов Э.* Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV века. Т. 1. – Ташкент: «Фан», 1966. – 649 с.

7. *Старчевский А.В.* Спутник русского человека в Средней Азии. – СПб., 1878. – 804 с.

Поступила в редакцию
20.02.06

Рахимова Асия Ризвановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой тюркологии Института востоковедения Казанского государственного университета.